

Любимая! Умолкнет шум
Военных труб и флейт пастушьих;
Но эхо наших смертных дум
Пробудит отклик в новых душах¹.

Альфред Теннисон

Для зимы печальные подходят
сказки².

Уильям Шекспир

¹ Альфред Теннисон (1809–1892) — английский поэт, наиболее яркий выразитель сентиментально-консервативного мировоззрения Викторианской эпохи, 1-й барон Теннисон, или лорд Теннисон. Для эпиграфа использован отрывок из поэмы «Принцесса» в переводе Г.М. Кружкова (*здесь и далее прим. перев.*).

² Строка из пьесы Уильяма Шекспира «Зимняя сказка». *Перевод П.П. Гнедича.*

Глава 1

Она чувствовала себя бестелесным, свободным призраком.

Умерла? Парит в воздухе?

Все вокруг казалось расплывчатым, поблекшим и несущественным. Или это она стала расплывчатой, поблекшей и несущественной, а мир вокруг нее движется, полный невидимых для нее красок и неслышимых звуков?

Если так, то смерть похожа на жизнь. И правда, какая разница? Разве что... Может, смерть — это свобода?

Вот только от чего?

На краю сознания что-то царапнуло крошечными ноготками — нужно бежать, спрятаться.

Но зачем? Какой смысл? От чего прятаться, от смерти? Мертвые ведь могут спать? Просто спать, спать, спать...

И все же ощущение было такое, будто она уже пробудилась, но все еще находится в тумане после сна.

Мысли разбредались. Озадаченная, она никак не могла понять, куда попала — в рай или ад. Поблекшие цвета и расплывчатые формы казались странно знакомыми. Цвета вдруг стали резкими

до боли в глазах, а очертания — острыми и грозили поранить.

Затем все снова поблекло и расплылось, и она ощутила покой. Странное, тихое успокоение.

А потом вдруг уловила запах. Да, точно, густой похоронный аромат лилий. И крови. Лилии и кровь, это ведь смерть, да?

Нужно просто лечь. Лечь и уснуть. Наверняка кто-нибудь придет и скажет, куда идти и что делать. Ангел. Или дьявол.

В мозгу промелькнул смешанный образ обоих, и она вздрогнула. Нельзя ложиться! Могут ли мертвые испытывать страх?

Женщина подошла к двери и замерла, не сводя с нее глаз. Войти или выйти? Выйти или войти?

Так ли это важно?

Кто-то потянулся к ручке двери. Она сама?.. Во всем этом было что-то неправильное. Кровь и лилии. Дверная ручка повела себя странно — ускользала, двигалась вверх-вниз, во все стороны. Это такая игра, мелькнуло в мозгу, и она слегка улыбнулась. Что ж, поиграем.

Она протянула руку, отдернула, попробовала еще раз, поводила ладонью туда-сюда. Затем сомкнула пальцы вокруг коварной дверной ручки. И рассмеялась тихим, дребезжащим смехом.

Войти или выйти? Выйти или войти?

Дверь открылась, и женщина шагнула в проем.

Мир мертвых оказался одновременно и ярким, и темным. Покорившись, она вошла.

* * *

Больше всего на свете Еве сейчас хотелось избавиться от платья и сбросить туфли на убийственно высоких каблуках. В конце концов, она исполнила свой долг и заработала жирный красный плюстик в графе «Правила счастливого брака», когда нарядилась и накрасилась, чтобы весь вечер играть роль жены успешного бизнесмена.

И кто только придумал устроить благотворительный бал зимой? Разумные люди предпочитают сидеть дома в теплой удобной одежде, когда лютый февраль поднимает безобразную голову. А такой морозной ночью даже не столь разумные давно спят, уютно свернувшись калачиком. И все же это не повод увиливать от обязанностей хорошей супруги.

По счастью, Еве с мужем удалось провести три восхитительных дня на личном острове Рорка, наслаждаясь жаркими пляжами и еще более жарким сексом. И если после всего этого нужно было пойти на маскарад, она не против, тем более что бал уже заканчивается.

В понедельник она вернется на службу, будет носить удобную одежду и ботинки. А еще полицейский жетон и пистолет.

Впрочем, жетон с пистолетом и сейчас при ней, лежат в дурацкой блестящей сумочке. Лейтенант Ева Даллас никогда не расстанется с оружием и жетоном.

Наконец она скользнула в уютную и теплую машину, бросила взгляд на фешенебельный истсайдский отель. Какое счастье, что и он, и его вычурный, битком набитый бальный зал остались в зеркале заднего вида!

Рорк повернулся, взял ее за подбородок и, проведя большим пальцем по ямочке, поцеловал.

— Спасибо.

Вот так, подумала Ева, глядя в шальные голубые глаза человека, созданного богами в особо удачный день. А она почти весь вечер тайно досадовала и злилась.

— Мне понравилось.

Рорк расхохотался и еще раз поцеловал Еву, едва не выехав на обочину.

— Да ты ненавидела девять минут из каждых десяти!

В смеющемся голосе Рорка звучал легкий ирландский акцент, идеальное дополнение к красивому лицу, обрамленному непокорными черными волосами.

У Евы мелькнула мысль, что боги поначалу соединили лучшие черты воина, поэта, ангела (падшего, чтобы добавить чуточку пикантности), а потом обрекли свое творение на любовь к необщительной оторве-копу, чье дело расследовать убийства.

— Ну, может, только семь с половиной из десяти. Было приятно повидаться с Чарльзом, Луизой и обоими Мира. Я нормально себя вела?

— Безупречно.

— Если бы! — Ева негодуяще фыркнула. — Ты, наверное, не слышал наш разговор с той особой, у которой прическа вроде башни из взбитых сливок. — Она покрутила пальцем над собственными короткостриженными каштановыми волосами. — Я сказала, что не хочу возглавить ее комитет по интеграции исправившихся преступников в общество, так как слишком занята тем, что отправляю этих преступников в тюрьму.

— Слышал. Она принялась объяснять тебе, что полиция слишком много внимания уделяет наказанию, а следовало бы заняться интеграцией. Страшно рад, что ты ее не стукнула.

— Еле сдержалась. Можешь поспорить на свою великолепную задницу, что если один из ее ИП — так она их называет, — вломится к ней в дом, шархнет по ее завитой башке чем-нибудь тяжелым и скроется со всеми многочисленными побрякушками, она не будет читать мне лекции о том, что закону не достает любви и сострадания.

— Ну, ей не приходилось стоять над трупом или сообщать людям, что их близкий погиб. Поэтому она понятия не имеет, сколько душевных сил и сострадания требует подобная работа.

— Точно. К счастью, я ее не прибила, да и остальных пальцем не тронула. — Довольная собой, Ева устроилась поудобнее. — Теперь можно и домой, скинуть эти дурацкие тряпки.

— Я любовался тобой в этих тряпках почти с таким же удовольствием, с каким я их с тебя сниму.

— И мы поспим завтра подольше, да? Не будем никуда спешить, как парочка ленивых улиток, а потом...

Ева внезапно умолкла — наметанный полицейский взгляд заметил что-то неладное.

— Господи Иисусе! Тормози!

Рорк и сам увидел женщину, которая шагнула в свет фар перед его машиной. Обнаженная, вся в крови, незнакомка брела, глядя широко распахнутыми, пустыми глазами.

Ева выскочила из машины, на ходу стаскивая пальто, но Рорк скинул свое первым и закутал женщину.

— Она почти насмерть замерзла, — сказал он Еве, затем повернулся к незнакомке. — Все будет хорошо.

Женщина холодной как лед рукой коснулась его лица.

— Ты ангел?.. — Огромные глаза закатились, и она потеряла сознание.

— Давай ее в машину, быстрее. Одеяло есть?

— В багажнике, — ответил Рорк.

Он отнес женщину в машину и, пока Ева доставала одеяло, уложил в уютном тепле.

— Я буду с ней на заднем сиденье, — сказала Ева. — Брось мне мою сумочку. Поезжай в больницу святого Андрея, она ближе всего.

— Знаю.

Рорк кинул Еве сумочку, сел за руль и вдавил педаль газа в пол.

Ева достала коммуникатор, позвонила в больницу.

— Лейтенант Ева Даллас. — Продиктовав номер полицейского жетона, она продолжила: — Везу к вам неизвестную женщину, возраст — двадцать — двадцать пять лет, характер повреждений неясен, но, похоже, у нее сильное переохлаждение. Будем через пять минут. — Бросив взгляд на спидометр, Ева попросила Рорка: — Уложись в три.

Она сфотографировала коммуникатором лицо незнакомки и странгуляционную борозду, которую заметила только сейчас.

— Кто-то вырубил эту несчастную, придушил и, скорее всего, изнасиловал. На теле порезы, много ссадин, хотя сомневаюсь, что вся кровь принадлежит ей.

— Вряд ли она долго бродила в таком виде. Час не слишком поздний, к тому же на нее обратили бы внимание.

— Волосы в крови, — пробормотала Ева, ощупывая голову жертвы. — Ударили по затылку.

Жалея, что при себе нет чемоданчика криминалиста, она внимательно изучила руки и ногти женщины, и оторвалась от осмотра, только когда Рорк свернул к приемному отделению.

Их ждали: двое врачей или санитаров — сразу и не разберешь, — стояли с каталкой у входа. Рорк еще не успел остановиться, а Ева уже распахнула дверь машины.

— Она на заднем сиденье. Ее душили веревкой или шарфом, на голове рана, похоже, нанесена тупым орудием. И необходимо проверить, была ли она изнасилована.

Ева посторонилась, давая медикам возможность переложить женщину. Те торопливо завезли каталку в отделение, один из них (судя по виду, ему только недавно стали легально продавать алкоголь), на бегу отдавал приказы. Он оглянулся на Еву и Рорка.

— Задержитесь. Мне нужна информация.

Каталка с грохотом въехала в смотровой кабинет, где ждали еще несколько медиков.

— На счет три!

По команде они переместили бесчувственную женщину на стол.

— Температура тела девяносто один и четыре!¹ — Чей-то крик перекрыл остальные голоса.

¹ Температура указана по шкале Фаренгейта. По Цельсию — 33,0.

— Я отгоню машину, — прошептал Еве Рорк. — Сейчас вернусь.

Капельницы, одеяла с подогревом, пальпация, осмотр... *Господи, как же я ненавижу больницы,* подумала Ева.

— Расскажите, что вам известно, — попросил предположительно доктор, не отрываясь от работы.

С копной вьющихся каштановых волос и красивым лицом, которое слегка портили суточная щетина и темные тени под ясными голубыми глазами, он выглядел не старше своей нынешней пациентки.

— Выскочила на проезжую часть в Карнеги-Хилл. Брела, как будто сильно перебрала, явно в шоковом состоянии. Спросила у моего мужа, не ангел ли он, и потеряла сознание.

— Температура тела девяносто три и два, повышается.

— Нужно, чтобы вы надели на ее руки пакеты после того, как я сниму отпечатки пальцев, — сказала Ева. — Не вся кровь принадлежит ей.

— Дайте мне сперва спасти ее жизнь.

Ева подвинулась, не сводя глаз с лица женщины.

Юная, очень привлекательная, несмотря на синяки и ссадины. Метиска, явно азиатских и африканских кровей. Миниатюрная, ростом чуть выше пяти футов, и не больше ста десяти фунтов весом. Ногти на руках и ногах покрыты бледно-розовым лаком. Уши проколоты, но сережек нет. Татуировок не видно. Длинные, почти до талии, волосы, спутаны и свалялись.

Ева вышла, запустила сделанное в машине фото в программу по узнаванию лиц. Хотя побои из-

менили лицо жертвы почто до неузнаваемости, попытаться стоило. Заметив, что к ней приближается Рорк с криминалистическим чемоданчиком в руках, Ева подняла голову.

— Решил, что тебе это понадобится.

— Да, спасибо. Если она не придет в себя к тому времени, как врачи закончат, я возьму отпечатки пальцев для идентификации личности. Скорее всего, она из местных. Руки и тело ухаженные, похоже, деньги у нее есть. Вряд ли она прошла большое расстояние, значит, живет или работает в районе Карнеги-Хилл, либо была там, когда на нее напали.

Ева оглянулась на двери смотрового кабинета.

— Крови столько, словно она яростно сопротивлялась, но я не заметила характерных повреждений. И под ногтями нет следов крови или кожи, по крайней мере, видимых.

— Полагаешь, она была не одна и пострадал кто-то еще?

— Такая возможность не исключена. Если этой женщине удалось убежать, то...

Она замолчала, когда дверь открылась, и из кабинета вышел доктор.

— Основные жизненные показатели стабилизируются, температура поднялась до нормы. Рана на голове — самая серьезная из травм, а их предостаточно: гематомы и ссадины на лице, многочисленные повреждения в области живота, некоторые похожи на неглубокие порезы ножом. Сотрясение мозга. Ее несколько раз жестоко изнасиловали. Комплект для забора биологических доказательств сейчас принесут. Мы проводим токсикологический анализ, но смазанная речь, скорее всего, следствие переохлаждения и шока.